

М. В. КОРОТКОВА

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ РЕГИОНА В АМЕРИКАНСКИХ БАЛТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ 1990-х – НАЧАЛА 2000-х гг.

В статье рассматриваются наработки Ассоциации по содействию прогрессу балтийских исследований, организации-координатора изучения балтийского побережья не только в Соединенных Штатах, но и в целом на Западе. Ориентируясь на потребности американских внешнеполитических ведомств, научная структура сосредоточила свои усилия не столько на анализе современных процессов, сколько на разработке проектной базы дальнейшего развития региона. Ассоциация исследовала географические категории, применимые в отношении комплекса балтийских территорий, с целью найти приемлемые варианты для обозначения будущего региона, которые были бы современны и вместе с тем придавали бы проектируемому объекту «историческую укорененность».

Ключевые слова: балтийские исследования, научная база американской внешней политики, регионализм, исторические регионы, Северо-Восточная Европа.

Ассоциация по содействию прогрессу балтийских исследований (далее – АСПБИ), во-первых, является координатором балтийских исследований не только в Соединенных Штатах, но и в целом на Западе, ее труды отражают широкий спектр мнений ученых по вопросам истории и современности края; во-вторых, наработки этой структуры представляют интерес в плане изучения внешнеполитических приоритетов США в отношении Прибалтики, так как данная организация с момента своего создания в 1968 г. обеспечивает научную базу американской внешней политики в отношении региона и является своеобразным каналом политико-идеологического влияния Соединенных Штатов.

В конце 1960-х – 1980-е гг. Ассоциация, именуя исследуемый регион «Балтикой», ограничивала его тремя прибалтийскими советскими республиками. Хотя изначально был поставлен вопрос о соотношении общего и особенного, тем не менее, основная ставка была сделана на изучение исторических и современных фактов, подтверждавших общность и единство трех наций. В своих исследованиях члены АСПБИ выделяли в качестве главного сплавляющего элемента «прибалтийский дух». Активно разрабатывая вопрос прибалтийской идентичности, ученые, фактически, приравнивали его к проблеме прибалтийского регионализма. Такой подход вызывал одобрение американской стороны, поскольку, с одной стороны, позволял внешнеполитическим ведомствам

США проводить единую политику в отношении Прибалтики, с другой – содействовал росту оппозиционных настроений в регионе.

Изменявшаяся с распадом СССР геополитическая ситуация актуализировала для американской администрации проблему балтийского регионализма. Дело в том, что образование на месте бывших советских республик Прибалтики суверенных государств усложнило для США разработку и осуществление курса региональной политики. Соединенные Штаты были заинтересованы в том, чтобы независимые Латвия, Литва и Эстония присоединились к западным интеграционным структурам как континентального, так и локального масштаба. Поэтому в повестку дня американских балтийских исследований был поставлен вопрос о пересмотре подходов к проблеме регионализма. Предполагалось, что основной упор ученые сделают на выявление связующих элементов в более широких географических рамках. Новации коснулись как геополитических, так и исторических разработок.

Прикладной характер исследований по проблеме стал очевидным с самого начала повторного обращения к теме. В 1994 г. в «Журнале балтийских исследований», печатном органе Ассоциации, была опубликована статья эстонского историка Питера Вареса «Эстония возвращается в международное сообщество: история повторяется». Автор перечислил основные внешнеполитические ориентации Эстонского государства и кратко проанализировал перспективы действий по каждому направлению. Примечательны первые три позиции из девяти, названных исследователем: 1) прибалтийско-скандинавские отношения; 2) связи прибалтийских государств в зоне Балтийского моря; 3) прибалтийские государства и проект «Новая Ганза»¹. Тем самым Варес обозначил контакты с ближайшими соседями (за исключением России) как приоритетные. Во всех трех случаях в качестве интегрирующего звена выступает Балтийское море. В этом случае было бы оправданным привести одну ориентацию, которая вместила бы две другие. Однако автор отождествлять их не стал. Показательно и то, что сотрудничество между Латвией, Литвой и Эстонией Варес указал в конце списка: «Хотя прибалтийцы осознают меняющуюся европейскую политику, в которой участие в субрегиональных группах открывает для интегрирующихся стран возможность присоединиться к новым инициативам по экономической и политической кооперации, они упорно пытаются избежать группировки, потому что, по их мнению, она ведет к минимизации значения их собственных проблем. Прибалтийские государства, получив

¹ *Vares*. 1994. P. 119.

шанс восстановить свою независимость, пока не готовы уступить незначительную часть ее кому бы то ни было»².

Исследовательскую тенденцию по обособлению Латвии, Литвы и Эстонии и поиску новых рамок для объединения можно проследить и в статье старшего научного сотрудника Тартуского университета Питера Вихалемма «Меняющееся балтийское пространство: Эстония и ее соседи». Социолог рассматривает пространственные отношения постсоветской республики с другими странами (ориентации, конструирование связей и дистанций), формирующие ее «международное социальное пространство». Определяя место Латвии и Литвы в социальном пространстве Эстонии, он констатирует утрату тремя государствами единства в различных сферах. Относительную сплоченность автор статьи прослеживает только в политической области³, и хотя прямо об этом не говорит, из приведенного им анализа видно, что она представляет собой тождественность внешнеполитических интересов⁴, не более.

Поскольку три республики стремятся к интеграции в западный мир, Вихалемм намечает путь движения к этой цели. По его мнению, государства смогут добиться желаемого результата, используя пространственную реструктуризацию Европы, которая означает для них, прежде всего, формирование региональной идентичности в масштабах Балтийского моря. При этом автор статьи замечает, что предположение о кристаллизации общебалтийской идентичности в ближайшем будущем не подтверждается исследованиями специалистов⁵. Значит, странам-участницам планируемого процесса следует предпринять целенаправленные действия. Принимая во внимание то, насколько четко Вихалемм определяет цель прибалтийских республик и, вместе с тем, насколько мало соотносит процесс ее достижения с ситуацией, сложившейся в регионе, рассуждения социолога следует рассматривать не как прогнозирование, а как проектирование.

Итак, Вихалемм считает весьма перспективным формирование общности государств всего балтийского побережья. Интерес вызывает его видение потенциальной региональной идентичности. Ученый заканчивает статью следующим суждением: «В долгосрочной перспективе расширяющееся и углубляющееся сотрудничество в экономической, экологической, политической и культурной сферах может внести значи-

² Ibid. P. 121.

³ Vihalemm. 1999. P. 267.

⁴ См.: Ibid. P. 252.

⁵ Ibid. P. 267–268.

тельный вклад в утверждение чувства совместной принадлежности к Северному региону новой Европы»⁶. Данная цитата отражает два важных момента в позиции автора. Во-первых, Вихалемм раздвигает узкие рамки подхода Ассоциации к проблеме регионализма. Признание того, что связи, кооперация между государствами способствуют культивированию региональной общности, является принципиальным новшеством для наработок АСПБИ. Прежде организация категорически отвергала такой тезис и сводила регионализм к одной из его составляющих – идентичности. Во-вторых, социолог пытается по-иному обозначить изучаемую территорию в географическом плане: термин «Северный регион Европы» он использует как синонимичный термину «регион Балтийского моря». Таким образом, статья ученого свидетельствует о серьезных изменениях во взглядах Ассоциации на проблему балтийского регионализма, наметившихся после распада Советского Союза.

Благодаря социологическому исследованию Вихалемма, АСПБИ получила первое представление о ситуации с идентичностью в прибалтийских республиках в постсоветский период. Как уже отмечалось, ученый утверждал, что на формирование новой общности в балтийском регионе потребуются значительное время. Чтобы ускорить процесс, научная структура пыталась его проектировать. В связи с этим руководство АСПБИ стимулировало обращение исследователей к проблеме изменения значения границ в современном мире, изучение которой способствовало решению поставленной задачи. В 2002 г. в «Журнале балтийских исследований» были опубликованы материалы V международной научной конференции «Пограничные регионы в переходный период», организованной Тартуским университетом и Центром содействия трансграничному сотрудничеству в июне 2001 года.

Во вводной статье сформулирована цель конференции, определена актуальность обсуждавшихся проблем, отмечены достигнутые результаты. Ее авторы – Еики Берг (политолог, доцент Тартуского университета) и Метте Сикард Филтенборг (политолог, докторант университета Южной Дании). В ходе конференции представители разных дисциплин вели дискуссии по трем основным темам, связанным с развитием кроссграничной кооперации в регионе Балтийского моря:

1) границы и территориальность (изучение меняющихся отношений между политическим суверенитетом, территориальной идентичностью, гражданством и государственными границами);

⁶ Ibid. P. 268.

2) границы и их дискурсивные конструкции (рассмотрение того, как вопросы, связанные с границами, понимаются и обсуждаются, как дискурсы создают специфические политические контексты, которые воздействуют на функциональность и значение границ);

3) границы и их социально-политическая реконфигурация (анализ того, как взаимодействие через границы либо в форме «транснациональных регионов» и спонсируемых ЕС проектов, либо в рамках неформальных отношений между пограничными общностями, влияет на проницаемость национальных границ)⁷.

Обосновывая актуальность данной проблематики в балтийском контексте, Берг и Филтенборг замечают: «В настоящее время регион Балтийского моря действительно обсуждается как зарождающийся, сегодня он мысленно визуализируется»⁸. Как видно из цитаты, исследователи акцентируют внимание не на изучении реальной ситуации и ее развития, а на создании образа будущего региона. Размышления над несоответствием между реальным и желательным позволяют определить способ его устранения, следовательно, являются неотъемлемым этапом проектирования. Образ будущего региона соткан участниками конференции из нескольких значимых элементов. Вводные заметки Берга и Филтенборг позволяют выделить и оценить последние.

Авторы утверждают, что концепции национальности, государственности и идентичности часто создают коммуникативные трудности для субъектов в постмодернистских структурах, которые рассматриваются как открытые и базирующиеся на городах, течениях и информации⁹. В тех уголках региона, где процветает традиционное понимание суверенитета, многие действующие лица, не будучи связанными сетью или иным способом с игроками из других мест, недоумевают, когда слышат о региональном союзе, частью которого они якобы являются¹⁰. То есть доминирование национального препятствует сотрудничеству (поскольку под связью исследователи подразумевают именно его). Следовательно, Берг и Филтенборг, вслед за Вихалеммом, настаивают на том, что кооперация – это та основа, на которой формируется чувство принадлежности к региону. Опираясь на приведенные выше суждения

⁷ Berg, Filtenborg. 2002. P. 129.

⁸ Ibid. P. 132.

⁹ Мысль принадлежит О. Веверу, на статью которого Берг и Филтенборг ссылаются: *Waever O. The Baltic sea: a region after post-modernity? // Neo-nationalism or regionality. The restructuring of political space around the Baltic rim / Ed. P. Joenniemi. Stockholm, 1997. P. 293–342. Цит. по: Berg, Filtenborg. 2002. P. 132.*

¹⁰ Berg, Filtenborg. 2002. P. 132.

политологов, можно сделать вывод о том, что они лишают «балтийский дух» статуса главной характеристики балтийского регионализма.

Среди различных форм сотрудничества авторы статьи особо выделяют трансграничные сети. Ученые рассматривают их одновременно и как горизонтальные, и как вертикальные, поскольку под границами они подразумевают не только территориальные рубежи, но и разграничители в иерархии «субнациональное–национальное–наднациональное». Исследовательский интерес к кроссграничным сетям в балтийском регионе нельзя считать случайным. С одной стороны, сети к тому времени были признаны одной из наиболее перспективных форм общеевропейской кооперации, а значит, должны были быть востребованы прибалтийскими республиками, стремившимися интегрироваться в европейское сообщество. С другой стороны, сети привлекательны тем, что являются весьма гибкими структурами, охватывают большое число участников, преодолевают государственные границы. Вертикальные и горизонтальные политические сети, вдобавок, обеспечивают регулирование и управление социальными процессами.

Важным элементом проекта Берг и Филтенборг считают управление и для определения его формы рассматривают ситуацию в Европе:

<...> соединение “отрицательной интеграции” Европейского Союза, то есть устранения институциональных преград для взаимодействия через национально-государственные границы¹¹, с движением геополитических, институциональных/правовых, деловых и культурных границ Союза к рубежам широкой европейской арены¹² содействовало созданию добровольных вертикальных и горизонтальных структур управления. Как результат, более зыбкие границы возникли между национальным и международным, между политическим и административным, между общественным и частным и между членами ЕС и сторонними государствами. Таким образом, особая форма территориальности – расчлененная, фиксированная и исключая совместимость – больше не является базисом политической жизни <...> Союз трансформирует политику и правительства и на европейском, и на национальном уровнях в систему многоуровневого, неиерархического, совещательного и аполитичного управления¹³.

¹¹ Авторы статьи ссылаются на работу Ф. Шарпфа: *Scharpf F. W. Negative and positive integration in the political economy of European welfare states // Governance in the European Union / Eds. by G. Marks et al. L.–Beverly Hills, 1996. P. 15–39.*

¹² Берг и Филтенборг ссылаются на статью М. Смита: *Smith M. The European Union and a changing Europe: establishing the boundaries of order // Journal of Common Market Studies. 1999. Vol. 34(1). P. 5–28.*

¹³ Данная мысль принадлежит Дж. Зиелонке: *Zielonka J. Enlargement and the finality of European integration // What kind of constitution for what kind of polity. Responses to Joschka Fischer / Eds. by Ch. Joerges, Y. Meny, J. H. H. Weiler. European university institute, 2000. P. 151–162. См.: Berg, Filtenborg. Op. cit. P. 130.*

Эту схему политологи проецируют на Балтику. Иными словами, со временем в регионе должно утвердиться многоуровневое управление.

Формируя образ нового региона, ученые пересматривают унифицирующий фактор. Об этом свидетельствует следующее их замечание:

<...> когда говорим ‘Балтика’, что мы имеем в виду: место, пространство, территорию с разными нациями-государствами, пучок сетей?” Это тот вопрос, который Оле Вевер риторически поставил несколько лет назад. Частично на него ответил Йусси Йаухиаинен, который полагал, что “регион Балтийского моря” можно понимать как европейский мегарегион, включающий несколько стран, как европейский субрегион, состоящий из регионов и частей государств, как сеть различных групп интересов или как вообразимую общность, создаваемую строителями региона. Действительно, бытуют различные представления и стратегии, имеющие отношение к вопросам: чем является регион Балтийского моря, и как та или иная геополитика способствует созданию унифицированного региона. Пока одна из них доказывает, что унифицированный регион Балтийского моря не существует, поскольку социокультурные корни его жителей различны, границы между разными этническими, лингвистическими или культурными группами становится труднее провести¹⁴.

Пересказав заочный исследовательский диалог и добавив к нему свои рассуждения, Берг и Филтенборг показали многообразие современных образов балтийского региона и варьирование в них унифицирующего элемента. Из этого следует, что в балтийских исследованиях море не стало единственным (или хотя бы основным) унифицирующим фактором, несмотря на попытки сделать его таковым, предпринимавшиеся в 1990-е гг. Кроме того, суждения авторов статьи, позволяют составить представление о таком элементе проектируемого объекта, как территориальность. Политологи утверждают:

<...> процесс конструирования территориальности идет рука об руку с аналогичными процессами в отношении границ, поскольку последние не только разделяют группы и социальные общности, но и опосредуют необходимые контакты между ними. Границы связывают воедино национальное прошлое, настоящее и будущее и имеют атрибуты, способные сделать связи между ними самими, проектами строительства региона и разными идентичностями особенно крепкими. Вопреки современным тенденциям “отказа от территориальности”, там, где территория, базирующаяся на принуждении и контроле, сейчас сосуществует со способами организации, включающими сети прямых коммуникаций с охватом больших пространств¹⁵, вопросы границ, территориальности и идентичности все еще имеют значение. Действительно, границы есть нечто большее, чем “линии

¹⁴ Berg, Filtenborg. Op. cit. P. 132. Рассуждения Й. Йаухиаинена см.: *Jauhiai-nen J. A Geopolitical view of the Baltic sea region // Dynamic aspects of the northern dimension / Ed. by H. Naukkala. Turku, 1999. P. 47–68.*

¹⁵ Авторы ссылаются на статью Дж. Агню, см.: *Agnew J. Classics in human geography revisited // Progress in Human Geography. 2000. Vol. 24. № 1. P. 91–99.*

на карте” и имеют решающие связи с идентичностью, действием, мобильностью и властью. Территориальные деления, таким образом, могут рассматриваться как инструменты контроля или стратегии для реализации организационных целей (определения членства, сохранения идеологической ортодоксальности, оптимизации выгод, содействия прохождению директив в рамках социальной иерархии) <...> Территориальность является, как ее определяет Р.Д. Сэк¹⁶, пространственной стратегией, которая может быть использована в целях воздействия, влияния или контроля над ресурсами и людьми. Очевидно, территориальная стратегия еще используется в “мире течений”, но формы такого использования значительно более сложные и вариативные, чем применявшиеся прежде¹⁷.

Представленный набросок образа проектируемого региона не исчерпывает всех его характеристик. Технических деталей, связанных с этапом конструирования объекта, добавляет статья Дж. У. Скотта «Регионализм Балтийского моря, геополитика ЕС и символическая география сотрудничества». Автор – географ, доцент Свободного университета в Берлине – тоже принимал участие в конференции.

Ученый исследует зарождающийся регионализм Балтийского моря в контексте интеграции и расширения Евросоюза и фокусирует внимание на роли пространственного планирования в соответствующих геополитических дискурсах. На балтийском примере автор статьи рассматривает, как различные многосторонние и многоуровневые инициативы по конструированию символической географии транснационального сотрудничества способствуют разработке политически действенного понятия регионализма¹⁸. Анализируемый Скоттом вопрос является одним из аспектов проблемы связи между балтийским регионализмом и европейской интеграцией, на которую в свое время указал Вихалемм.

Географ трактует политику интеграции и расширения ЕС как стратегию формирования европейского макрорегиона. При этом он замечает, что конструирование Евросоюза концептуально выражается в новых формах геополитики, в которых присутствуют символические элементы интеграции. «Символическое планирование» генерирует видение результата, которого можно достичь, а значит, позволяет сформировать эффективную повестку дня. Новые европейские геополитические дискурсы активно продвигают региональное кроссграницное сотрудничество, и в символической географии, соответственно, акцент делается на пространственные метафоры, создающие чувство стратегической взаимосвязи: сети, узлы, цепочки, ворота¹⁹. Разъясняя концептуальную

¹⁶ См.: Sack R. D. Human territoriality: its theory and history. Cambridge, 1986.

¹⁷ Berg, Filtenborg. Op. cit. P. 132–133.

¹⁸ Scott. 2002. P. 137–138.

¹⁹ Ibid. P. 137, 140.

сторону вопроса и анализируя европейские программы пространственного развития, автор статьи показывает, что те формы сотрудничества, которые предлагаются учеными государствам балтийского региона, уже используются в интеграционном процессе ЕС. Следовательно, балтийским странам необходимо воспользоваться ими, чтобы ускорить процесс интеграции в Европу. С целью подчеркнуть своевременность таких действий, Скотт замечает: «Со вступлением Финляндии и Швеции в Евросоюз и процессом расширения, который постепенно распространится на Польшу и прибалтийские государства (так же как на Норвегию?), регион Балтийского моря уже стал центральным геополитическим фокусом ЕС»²⁰. Однако следует заметить, что география европейской интеграции 1990-х – начала 2000-х гг. не давала оснований для такого суждения. Оценочная формулировка позволяет автору замаскировать свое стремление повлиять на процессы в регионе. Кроме того, беспочвенное утверждение Скотта является очередной попыткой западного исследователя региона хотя бы временно наделить предмет изучения такой «конструируемой» чертой, как «избранность».

Сосредоточив внимание на изучении европейской интеграционной риторики и выделении в ней пространственного планирования как символического элемента кооперации, Скотт не задумывается над практической стороной вопроса: насколько эффективна политика регионального развития. К тому времени, когда Скотт приступил к исследованию, интересующие его программы ЕС в отношении региона Балтийского моря уже реализовывались. Представляется, что анализ первых результатов существенно обогатил бы статью. Но ученый его не проводит. Следовательно, субъекты балтийского региона, которым была адресована статья, могли найти в ней только аналитический обзор европейских проектов.

«Проектное» звучание имеет и определение понятия «регионализм», которое приводит Скотт: «<...> новый регионализм подразумевает эволюцию самоопределяющейся общности интересов, которая поощряет открытое обсуждение при решении сложных региональных проблем»²¹. Для балтийского побережья такая трактовка понятия – не

²⁰ Ibid. P. 143.

²¹ Ibid. P. 141. Скотт формулирует определение, опираясь на работы скандинавских обозревателей, см.: *Hetne B.* The new regionalism. Implications for global development and international security. Helsinki, 1994; *Joenniemi P.* Regionality and the modernist script: tuning into the unexpected in international politics // Occasional papers of the Tampere peace research institute. 1994. Vol. 57; *Idem.* Interregional cooperation and a new regionalist paradigm // Border regions in functional transition – European and North American perspectives / Eds. by J. Scott et al. Vol. 9. 1996. P. 53-61.

более чем видение регионализма будущего. В рассматриваемый период интересы государств региона частично совпадают, но не составляют «общности». Главным противодействующим фактором в этой ситуации является «реконструкция наций-государств» на восточном берегу моря.

Чтобы несколько сгладить впечатление «проекта», которое производит статья, исследователь приводит доказательства наличия регионализма на Балтике. Некоторые из них, однако, уязвимы для критики. Так, географ упоминает региональный список из почти шестисот субъектов, «способных или нацеленных действовать через границы»²², то есть в очередной раз говорит о потенциале. Кроме того, он неоднократно констатирует зарождение в 1990 г. нового балтийского регионализма в контексте европейской интеграции²³, но процесс при этом не характеризует.

С другой стороны, отсутствие анализа процесса не свидетельствует об иллюзорности последнего. Безусловно, кооперация в балтийском регионе в рассматриваемый период расширялась. Две черты современного регионализма на Балтике среди прочих, отмеченных Скоттом, заслуживают особого внимания, поскольку действительно дают возможность реализовать проект в будущем и именно в контексте европейской интеграции. Первая состоит в том, что сотрудничество на формальном и неформальном уровнях придает балтийскому регионализму «гибридный» характер. Вторая заключается в том, что регионализм развивается из нескольких субрегиональных ядер кооперации²⁴.

Очевидно, что данная публикация, в которой изложение проектов преобладало над доказательствами наличия интеграции в регионе, могла послужить ознакомительным материалом, свидетельствующим о планах европейских структур в отношении балтийского побережья.

АСПБИ опубликовала в своем журнале и работы других участников конференции, но они сконцентрировали внимание на изучении узких вопросов, связанных с перспективами пограничного сотрудничества в регионе, и потому остались за рамками настоящего исследования.

Кратко характеризуя материалы, можно отметить, что сделанные в них выводы подтверждают противоречивый характер взаимоотношений между позициями, указанными в тематике конференции.

Как показано выше, геополитические исследования Ассоциации 1990-х – начала 2000-х гг. были ориентированы не столько на анализ

²² Scott. Op. cit. P. 142. По словам Скотта, перечень доступен на Интернет-форуме, см: Ballad [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ballad.org/actors>.

²³ Ibid. P. 137, 140, 141, 143, 152.

²⁴ Ibid. P. 142-143.

современных процессов, сколько на создание проектной базы для дальнейшего развития региона. Исторические наработки АСПБИ должны были способствовать укреплению новых региональных связей.

С этой целью организация инициировала возобновление дискуссии по проблеме регионализма в масштабах всего балтийского побережья, которая имела место в западной историографии в конце 1970-х гг. В то время предметом обсуждения историков стали понятия, применимые для обозначения комплекса изучаемых территорий, которые позволяли интерпретировать регион в качестве исторического. Начало дискуссии положил немецкий исследователь Клаус Зернак, предложив новый концепт «Северо-Восточная Европа». С иной позиции выступил финский ученый Матти Мянникко. Он посчитал, что атрибуты, присущие историческому региону, отражает понятие, которое стало привычным для сферы географии, – «зона Балтийского моря». АСПБИ, настаивая на том, что балтийский регион составляют только три прибалтийские республики, от участия в полемике отказалась.

Изменив свою позицию в 1990-е гг., АСПБИ придала академической дискуссии политическую актуальность. Первым из ее членов к изучению проблемы в рамках нового подхода приступил Дэвид Кирби, сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований при Лондонском университете. В 1990 и 1995 гг. ученый опубликовал две монографии по истории региона – «Северная Европа в раннее новое время: балтийский мир 1492–1772 гг.» и «Балтийский мир 1772–1993 гг.: северная периферия Европы в эпоху перемен». Он писал:

<...> старая терминология – “восточная” и “западная” Европа – больше не адекватна ситуации и может помешать новым попыткам придать форму или определить широкую европейскую общность. <...> я надеюсь рассмотреть более сбалансированную региональную перспективу, обращая внимание на сходства, совместный опыт, очевидные различия и связи с внешним окружением, которыми обладает ущербно определяемая “периферия”, или – в более общем плане – разрушить политические категории эпохи холодной войны: “восток” и “запад”²⁵.

Указав таким образом на несостоятельность прежних концептов в современных условиях, Кирби предложил консолидирующее по характеру понятие «балтийский мир».

Адаптированное к балтийской специфике переложение идеи Фернана Броделя отражает размышления Кирби над взаимоотношениями цивилизаций и наднациональных регионов, контактами между различными культурами, а также контрастами между империей и периферией, побережьем и внутренними территориями, городами и сельскими рай-

²⁵ Kirby. 1995. P. 1–2.

онами. Поскольку исследователь привлекает инструментарий Броделя, кажется, что он создает задел для теоретических рассуждений. Однако канву его трудов составляет описание событийной стороны. Кирби не дает определения вводимому концепту. Он относит формирование «балтийского мира» к средним векам и прослеживает его историю до современности. Характеристика географических рамок весьма противоречива. Кирби описывает балтийский регион как периферию Европы с суровым климатом. По его словам, эта территория является «получателем, а не создателем цивилизации». Большую часть истории побережья составляет адаптация импульсов и давлений, исходящих от более энергичного внешнего мира²⁶. Характеризуя балтийскую зону как сцену для исторического нарратива, Кирби в качестве синонимов к этому наименованию использует термины «Северная Европа» и «европейская северная периферия». Из этого следует, что борьба между Востоком и Западом доминирует в регионе. Получается, исследователь, сам того не желая, культивирует взгляды эпохи «холодной войны»²⁷.

Кирби не присоединился к дискуссии о роли исторических регионов²⁸. Однако его работы представляют интерес с точки зрения изучения «проектной» деятельности Ассоциации. Дело в том, что ученый проследил эволюцию географических категорий, в отличие от «балтийского мира» утвердившихся в исторической науке, и на этом основании изложил свое видение будущей региональной идентичности. По Кирби, наименование «Северная Европа» (Northern Europe), известное с античных времен, охватывало европейские земли к северу от 55° с.ш. между 21° и 90° в.д. Российские территориальные приращения 1721–1809 гг. положили начало обособлению Северной Европы, в значении «скандинавской» (Nordic), и Восточной Европы. Рост политического национализма в дальнейшем упрочил это разделение. С восстановлением независимости трех прибалтийских республик Кирби связывал надежды на создание новой региональной идентичности в рамках Северо-Восточной Европы²⁹. Эта перспектива была, по его мнению, «северной», «скандинавской» (Nordic), поскольку прибалтийцы стремились отождествить себя со своими северными соседями, несмотря на глубину различий между ними³⁰. Таким образом, Кирби локализовал «балтий-

²⁶ Kirby. 1990. P. ix.

²⁷ Lehti. 2002. P. 434–435.

²⁸ Lehti. 2002. P. 434.

²⁹ Kirby. 1995. P. 2–6.

³⁰ Ibid. P. 381.

ский мир» в географическом плане посредством понятия «Северо-Восточная Европа», вложив в него «скандинавское» содержание.

Следует заметить, что в 1990-е гг. понятие, предложенное Зернаком, было востребовано западными исследователями балтийского региона. Итоги десятилетия интенсивного изучения были подведены на III международном симпозиуме «Северо-Восточная Европа как исторический регион», организованном Таллинским городским архивом, фондом Ау (Хельсинки), университетом Грейфсвальда при поддержке фонда Ф. Тиссена (Кельн) в 2001 г. В 2002 г. АСПБИ опубликовала материалы встречи в «Журнале балтийских исследований». Эта подборка стала хорошим дополнением к наработкам конференции по проблемам кросс-пограничного сотрудничества в регионе, изданным незадолго до этого.

Вводная статья позволяет оценить современную интерпретацию концепта «Северо-Восточная Европа». Ее авторы — Ёрг Хэкманн, историк, доцент университета Грейфсвальда, и Роберт Швейцер, доктор философии, директор по науке фонда Ау. По их словам, участники симпозиума признавали неоднозначность обсуждаемого понятия. При этом подчеркивались два важных момента: во-первых, рассматриваемый подход разрушает прежний образ, четко обозначающий границы региона; во-вторых, акцент на частичное совпадение Северо-Восточной Европы с другими историческими регионами (особенно в пограничных зонах) показывает, что она включает не только территории Латвии, Литвы и Эстонии³¹. Последнее замечание имеет особое значение, поскольку статья, которая была подготовлена Хэкманном самостоятельно (она будет проанализирована ниже), могла быть истолкована как призыв остаться в рамках прежнего узкого подхода Ассоциации.

Очевидно, что данная конференция стала попыткой изучить современную проблему балтийского регионализма через призму истории. В связи с этим целесообразно рассмотреть позиции исследователей по актуальному вопросу будущей региональной идентичности. Хэкманн и Швейцер утверждали, что привлекательность региона Балтийского моря можно описать, используя европейскую северо-восточную перспективу: сказать о том, как сильные традиции демократии и общественного благосостояния привлекают территории, находящиеся на переходном этапе, не забывая при этом о развитии системы безопасности³². Следовательно, в дальнейшем доминанта в европейском северо-восточном регионе будет принадлежать скандинавским странам. По сути, то же

³¹ Hackmann, Schweitzer. 2002. P. 367.

³² Ibidem.

самое имел в виду Кирби, когда рассуждал о «начинке» будущей Северо-Восточной Европы.

Существенной переоценке рассматриваемое понятие подвергается в статье Хэкманна «От “объекта” к “субъекту”»: вклад малых наций в строительство региона Северо-Восточной Европы». Если Зернак, предложив концепт, проследил существование Северо-Восточной Европы как исторического региона от эпохи викингов до XIX в., то Хэкманн отодвинул верхнюю хронологическую рамку до современности. Свою точку зрения он обосновал тем, что в начале XIX в. вследствие укрепления позиций России и Пруссии, разделов Речи Посполитой, ослабления Швеции и Дании и сопровождавшего эти процессы перераспределения территорий появилось наименование «Северная Европа» (Northern Europe), которое означало обособление скандинавских земель от региона Балтийского моря³³. В 1920-е гг., после провала идеи Балтийской лиги, «балтийский» вопрос «сжался» до трех прибалтийских государств, и роль строителей региона перешла к малым нациям. Превратившись из объектов региональной истории в ее субъектов, Латвия, Литва и Эстония сохранили те же социальные ценности, что и скандинавские страны³⁴. Последний тезис свидетельствует об уверенности автора в том, что балтийский регион станет базой нового объединения. Однако в своей статье ученый не размышляет над вопросом: какую роль прибалтийские нации будут играть в будущем. В прошлом же, по его словам, в сферах политики и культуры «они больше получали, чем отдавали»³⁵.

Следует заметить, что в своих рассуждениях Хэкманн практически не использует понятие «Северо-Восточная Европа», которое он вынес в название статьи, однако активно применяет концепт «балтийский регион», который сам же признал «двусмысленным» в историческом и политическом отношении³⁶.

Марко Лехти, доцент университета Турку, в статье «Картографирование зоны Балтийского моря: от националистической к многонациональной истории» анализирует влияние дискуссий в сфере географии на отражение пространственности в исторических исследованиях. По его мнению, гнетущее воздействие на сферу балтийских исследований оказал фундаментальный труд Броделя с его жесткими и неподвижными географическими рамками³⁷. Хотя французский историк пи-

³³ Hackmann. 2002. P. 415–416.

³⁴ Ibid. P. 412.

³⁵ Ibid. P. 425.

³⁶ Ibid. P. 412.

³⁷ Lehti. 2002. P. 437.

сал о воздействии человека на природу, тем не менее, географический фактор он оценивал как почти постоянную величину. Лехти никоим образом не ставит под сомнение значение книги классика для исторической науки, но замечает, что современные географы воспринимают географию не как пассивную установку, а как социальный конструкт³⁸.

В поле зрения исследователя оказались концепты, наиболее востребованные в современных балтийских исследованиях: зона Балтийского моря, Северо-Восточная Европа и Северная Европа (Northern Europe). Первые два рассматриваются как приемлемые для обозначения региона в качестве исторического. Для определения исторического региона старая историографическая традиция выявляла унифицирующие структуры. Дискуссии последнего времени выделяют море как объединяющий элемент или территорию как контактную зону. В этой связи Лехти обозначает три пути для определения зоны Балтийского моря, Северо-Восточной Европы и Северной Европы в историческом плане: первый опирается на метафору сети, второй ведет поиск пространства смешанных идентичностей, третий анализирует язык современников изучаемой эпохи и их пространственное воображение³⁹. При этом следует подчеркнуть, что предложенные способы применимы в отношении всех трех образов региона. Другими словами, порядок их указания не находится в соответствии с порядком перечисления образов.

Обозначив способы изучения, Лехти намечает направление развития исследований. По его словам, в настоящее время в балтийском регионе доминируют национальные истории. В будущем должны действовать те исследователи, которые смогут дистанцироваться от прежних схем. «Зона Балтийского моря», «Северо-Восточная Европа» и «Северная Европа» могут и должны быть использованы для создания транснациональных нарративов, которые будут «смирительной рубашкой» для националистических историй⁴⁰. Тем самым автор статьи указал, каким образом историки могут содействовать строительству нового региона.

Однако, как показывает анализ наработок Ассоциации, ученые уже активно участвуют в процессе, размышляя над будущей идентичностью и подбирая понятия для обозначения региона. Лехти тоже высказался по данному вопросу. Он считает, что термин, предложенный Зернаком, остается академическим. Широкое использование данного наименования проблематично: оно включает «Восток», а в настоящее время мало

³⁸ Ibid. P. 438.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibid. P. 444.

тех, кто хочет быть «восточным». Вместе с тем получает распространение термин «Северный» (North), который может обеспечить новые возможности для широкого употребления «Северо-Восточной Европы»⁴¹. Следовательно, Лехти, как и его коллеги, считает предпочтительным для обозначения балтийских территорий понятие «Северо-Восточная Европа» с добавлением концептуальных элементов «Северной Европы». Представляется, что такая позиция историков обусловлена стремлением не только отказаться от терминологии «холодной войны», но и обозначить доминанту в проекте будущего региона.

Любопытно, что все ученые (за исключением Кирби), чьи наработки проанализированы в данной статье, являются представителями изучаемого региона. Привлечение таких специалистов позволяло американской научной структуре отслеживать и влиять на исследовательские тенденции непосредственно в регионе.

Можно констатировать, что будущий «балтийский регион» «в задумке» исследователей существенно отличается от своего предшественника, который под тем же названием пропагандировался Ассоциацией в конце 1960-х – 1980-е гг. Дело не только в том, что АСПБИ расширила территориальные границы и, соответственно, вложила новый смысл в прежнее наименование, но и в том, что предлагаемый регион не столь жестко унифицирован. Ранее культивировавшийся Ассоциацией такой унифицирующий элемент, как общность исторического развития трех прибалтийских республик, в новых политических условиях был отброшен за ненадобностью. Балтийское море, заявленное в 1990-е гг. как возможный унификатор, не закрепилось на этой позиции. АСПБИ предложила рассматривать в таком качестве трансграничные сети (одну из форм сотрудничества, которую ранее сама же отвергала в ранге оценочного критерия). Кардинально поменяв взгляд на проблему балтийского регионализма, Ассоциация не только признала важность кооперации, но фактически сделала ее (в форме международных сетей) унифицирующим фактором. Поскольку сети являются весьма гибким и подвижным инструментом в деле формирования региона, то и его унифицированность становится относительной.

Принимая во внимание все элементы проекта, можно сказать, что будущий балтийский регион, по сравнению со своим предшественником, представляется АСПБИ как менее унифицированный, но вместе с тем и менее дискретный.

⁴¹ Ibid. P. 442–443.

Исторические исследования Ассоциации были посвящены изучению географических категорий, применимых в отношении комплексов балтийских территорий, с целью найти приемлемый вариант для наименования будущего региона, который был бы современен и вместе с тем придавал бы проектируемому объекту «историческую укорененность». В результате АСПБИ остановила свой выбор на концепте «Северо-Восточная Европа», но со «скандинавским» содержанием, обозначив таким образом доминанту в проекте будущего региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Berg E., Filtenborg M. S.* Introduction: territoriality, multilevel governance and cross-border networks in the Baltic sea region // Journal of Baltic studies. 2002. Vol. XXXIII. № 2. P. 129–136.
- Hackmann J.* From «object» to «subject»: the contribution of small nations to region-building in North Eastern Europe // Journal of Baltic studies. 2002. Vol. XXXIII. № 4. P. 412–430.
- Hackmann J., Schweitzer R.* Introduction: North Eastern Europe as a historical region // Journal of Baltic studies. 2002. Vol. XXXIII. № 4. P. 361–368.
- Kirby D.* The Baltic world 1772–1993: Europe's Northern periphery in an age of change. L.–N.Y.: Longman, 1995. 472 p.
- Kirby D.* Northern Europe in the early modern period. The Baltic world 1492–1772. L.–N.Y.: Longman, 1990. 443 p.
- Lehti M.* Mapping the study of the Baltic sea area: from nation-centric to multinational history // Journal of Baltic studies. 2002. Vol. XXXIII. № 4. P. 431–446.
- Scott J. W.* Baltic sea regionalism, EU geopolitics and symbolic geographies of cooperation // Journal of Baltic studies. 2002. Vol. XXXIII. № 2. P. 137–155.
- Vares P.* Estonia returns to the international community: history repeats itself // Journal of Baltic studies. 1994. Vol. XXV. № 2. P. 118–122.
- Vihalemm P.* Changing Baltic space: Estonia and its neighbors // Journal of Baltic studies. 1999. Vol. XXX. № 3. P. 250–269.

Короткова Милена Валерьевна, ассистент кафедры истории зарубежных стран Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; kortkova_milena@mail.ru